

Вечеръ 26-го ноября.

Въ учрежденіи, именуемомъ Большимъ театромъ, 26-го ноября произошелъ большой переполохъ: въ стѣны, казавшіяся такими глухими и прочными, не пропускавшими «извиѣ» никакихъ постороннихъ вѣяній, смыкавшихся склепомъ надъ всѣми, кто имѣлъ «счастье» попасть подъ ихъ сѣнь, въ стѣны, молчаливо охранявшія все тайны подпольныхъ работъ, всю многолѣтнюю дѣятельность подкоповъ, ворвался вѣтеръ вольный. Ворвался, несмотря на закрытыя двери и забитыя щели, несмотря на всю бдительность и твердую рѣшимость управителей и блюстителей театральнаго порядка не впускать его ни подъ какимъ видомъ, даже если бы тамъ, за стѣнами, вся жизнь всколыхнулась, какъ поднявшееся море, и дыханіе грозы ударилося о каменные стѣны.

Вѣтеръ свободный, вольный вѣтеръ, гуляющій теперь отъ края до края родины, сгоняющій давно накопившіяся тучи, сметающій вѣковые слои пыли, уносящій, какъ щепки, обломки старой жизни, не долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, проникнуть въ эти стѣны, гдѣ, чадная и удушливая, нестерпимая для всякой живой души, для всякаго чуткаго таланта, скоплялась и нарастала затхлая атмосфера «казенщины», душившая вся и всѣхъ, начиная съ артистовъ и кончая публикой.

Но, несмотря на всю испытанную систему огражденія и охраненія, несмотря на «непреклонное» и «неукоснительное» рѣшеніе не допускать извиѣ никакихъ постороннихъ вѣяній, способныхъ тронуть и потревожить десятками лѣтъ скопившуюся пыль театральныхъ традицій, — вѣтеръ ворвался, мощный, властный, и возвѣстилъ, что часъ пробѣлъ, время настало, — время, когда за всеувлекающимъ потокомъ жизни, освободившейся отъ оковъ и стремящейся къ полезной цѣли, должно идти все живое и мертвое.

Живое пойдетъ добровольно, мертвое будетъ подхвачено и унесено общей волной.

26-го ноября Шаляпинъ сѣлъ въ Большомъ театрѣ «Дубинушку». И за нимъ пѣла не публика, потому что публикѣ отведена только пассивная роль слушателя и зрителя, а пѣла толпа, народъ, русское общество, сознательно идущее къ сознанной цѣли.

Пѣла жизнь. Пѣлъ вѣтеръ, для котораго пѣть ни стѣнъ, ни заповоръ, «духъ времени», который дышитъ, гдѣ хочетъ, не спрашиваясь.

И переполохъ понятенъ, понятно смѣтеніе. Какъ допустили? Какъ пропустили? Не доглядѣли?... Нельзя-ли все обратить въ шутку, милую, невинную... Нѣтъ, господа. Этого въ шутку обратить уже нельзя. Нельзя шутить, когда все кругомъ рушится, ломается, когда тѣ стѣны, за которыя вы прячетесь, уже не охраняютъ васъ и вашей власти отъ того, чего вы боитесь какъ смерти, что уже близко и несомнѣнно.

Близко, вслѣдъ за жизнью, обновленіе русскаго искусства, которое не можетъ, не должно молчать, закованное въ старыя формы.

Довольно и безъ мѣры настрадалось оно отъ власти диктаторовъ, распорядившихся съ нимъ по своему усмотрѣнію; въ достаточной мѣрѣ надъ нимъ похозяйничали люди, не имѣющіе права считать себя къ нему чѣмъ-либо причастными.

Довольно кондуитныхъ журналовъ, системы штрафовъ, наущничества, кумовства, пенсій, канцелярщины и молчаливости. Конечъ росчеркамъ пера, которые обрекали лучшія произведенія на годы забвенія и молодые таланты на годы отупляющаго ничегонедѣланія или переливанія изъ пустого въ порожнее. Пора положить конецъ диктаторству въ той области, которая должна быть свободна, какъ творчество; въ особенности теперь, когда все кругомъ кипитъ, все участвуетъ въ великой работѣ переустройства, когда идетъ та грандіозная чистка грязныхъ угловъ и помойныхъ ямъ, которая совершается страной разъ въ столѣтія.

26-е ноября знаменательно. Оно не есть явленіе случайное и преходящее, въ немъ невольно, безсознательно, какъ всегда, посредствомъ мощнаго таланта вырвавшійся призывъ, первое слово того, что должно произойти въ недалекомъ будущемъ въ области русскаго искусства, русскихъ театровъ въ частности.

Театръ перестанетъ быть инвалиднымъ домомъ и рассадкой чиновничьей бактеріи, онъ потеряетъ свое назначеніе, какъ мѣсто увеселенія для скучающей избранной публики, и будетъ представлять глубокой интересъ для всѣхъ. Будутъ не актеры, а артисты, не начальство, а товарищество, не «надзиратели», а режиссеры, не пѣшки, а живые люди.

Будутъ таланты. Они, и только они, будутъ причастны къ искусству.

Все остальное вычеркнется безпощадно.

Вотъ почему въ шуткѣ 26-го ноября для многихъ кроется глубокой, можетъ быть, не совсѣмъ для нихъ еще понятный, но уже грозный смыслъ: старое рушится...

П. Слово 1. Дек. 1905. МАКСЪ-ЛИ.

Русское Слово. Москва 1905 (24 ноября) (1 декабря).